

КНИЖНЫЙ ДИСКУРС

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт филологии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА С.Я. ЛЕВИТ

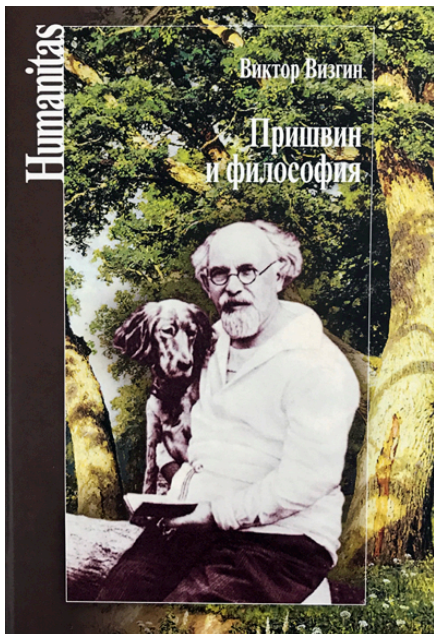
Две представленные книги – В. Визгина «Пришвин и философия» и В. Кантора «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского» – различны по теме и жанру. М.М. Пришвин хорошо известен как писатель. Однако Виктор Визгин характеризует его и как философа. Разумеется, писатель никогда не был причислен к профессиональным любомудрам. Но его «Дневники» и другие материалы свидетельствуют о том, что работы Пришвина принадлежат к художественной философии. Философия как склад ума оказала немалое влияние на творчество писателя. Другая книга, написанная В.К. Кантором, посвящена жизни и творчеству великого русского мудреца Николая Гавриловича Чернышевского. Владимир Кантор стремится воссоздать истинный образ легендарного человека. Но в этом случае автору книги приходится разоблачать лживые слухи, пристрастные мнения и оценки. В этом издании талантливого публициста и учёного много документов, ссылок, подробностей. Она привлекает своей капиталностью.

Ключевые слова: философия, литература, нигилизм, идентичность, нравственность, прототип, образ, революционер, реформатор, позитивизм

Писатель как мыслитель

Визгин Виктор. Пришвин и философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 240 с.

Нетрудно связать с именем М.М. Пришвина образ разноликой природы. Лишь он мог услышать шорох мыши под снегом, столь глубоко он был погружён в мир живых существ и среды их обитания. Большую часть жизни Пришвин провёл в путешествиях и переездах с места на место. И лишь после смерти писателя стало ясно, что именно благодаря его творчеству в русской литературе продолжала развиваться традиция натуралистического описания окружающего мира, когда человек и природа представляли собой единое целое.

Пришвин учил родственному вниманию к природе, узнавать душу самой жизни, будь то цветок, собака или дерево. Параллельно этой линии писатель перешёл к созданию произведений крупной формы. Они постоянно вырастают из ряда очерков, связанных с личностью данного героя. Но есть основание говорить о

Пришвине как об оригинальном мыслителе. Постигая жизненный мир, действительно ли Пришвин вступал в сферу философской рефлексии?

Яркая и умная книга Виктора Визгина свидетельствует о том, что писателя Пришвина можно без труда отнести к разряду философствующих авторов. Речь идёт именно о философском потенциале его творчества. В первую очередь отправной точкой анализа творчества Пришвина оказываются его дневники с самобытной фрагментарной афористической прозой. Этот материал дополнен историко-философскими исследованиями темы. В аннотации к книге сказано: «Книга эта не обычное академическое литературоведческое исследование и даже не историко-философское применительно к истории литературы. Это опыт философско-художественного исследования литературы, возникший по случаю выхода в свет дневников М.М. Пришвина» [1, с. 4].

В творчестве писателя разворачивается многоаспектный авторский образ мира, раскрывающий сложную систему взаимоотношений человека и Космоса, человека и природы, человека и социума, человека и культуры, человека и языка. Когда автор называет Пришвина филосо-

фом, он не имеет в виду его профессиональную принадлежность к стану Любомудров. Автор подчёркивает, что у Пришвина есть своя философия, но она значительно отличается от того, что обычно называется этим термином. Получается, что Пришвин не вписывается в конкретную философскую традицию, но перекликается с ней. Допустим, как и Гегель, писатель считает мысль первоначалом мира. Но это положение не принимает характер строгого историко-философского мышления.

Однако творчество Пришвина всё-таки можно назвать «художественной философией». «Вхождение в мир мысли Пришвина, не отрывной от его жизни и слова, стиля и поэтики, значимо не только для понимания вклада его в русскую и мировую культуру, – пишет В. Визгин, – но и для самой философии в наше время, когда она стремится обновить свои связи с жизнью» [1, с. 7]. **Что означает мыслить философски? Опирается не готовые мыслеобразы, уже выработанные философской традицией? Вводить изложение в оснащённую философскую традицию? Оказывается, нет. Прежде всего это означает приникнуть к собственному духовному опыту, освоить экзистенциально проблемы жизни, уловить роптания собственной души. В результате текст Пришвина можно рассматривать как своеобразные «духовные упражнения». Речь идёт о целостном искусстве «жизнемыслия» (термин Г.Д. Гачева).**

Исследователь ставит вопрос: при каких условиях дневник Пришвина может стать органом философского познания мира и человека? Ответ очевиден: если сквозь дневниковые заметки прорывается взыскующая мысль, проникновенное чувство. «Понятие “духовного резонанса” лежит в основе всех сопоставлений Пришвина с другими мыслителями, представленных в книге. Один из характерных её аспектов определяется её ненавязчивой, как бы “подсвечивающей” фокусировкой на “софийности” русского метафизического сознания в продолжающейся и обновляющейся культурной традиции. Софийным светом пронизаны мысль и слово Пришвина, философия которого обозначается нами как “радужная”» [1, с. 11].

Весьма интересно читать у В. Визгина, как квантовый генератор личности заново форматизируется, перенастраивается. В этом смысле комментируется и философская манера Н.А. Бердяева, который выходит порой за рамки чисто исследовательской цели и обращается к суггестивно-субъективной, визионерской и свободной текучести мысли. Можно ли доверить свои тайны другому человеку? Допустимо ли раскрыть свой внутренний мир перед всеми, рассказать о себе как на духу? Или лучше следовать совету шекспировского Полония: «Заветным мыслям не давай огласки, / Несобразным – ходу не давай. / Будь прост с людьми, но не запанибрата». Если опираться на собственный внутренний опыт, игнорируя мнение других, то можно познать себя только таким, каким я являюсь сам для себя. Но если сохранить в себе собственные переживания, закрыться от всех, то у других может сложиться искажённый образ этой души.

Однако в жизни каждого человека наступает такой момент, когда он готов распахнуть душу, вверить свои тайны окружающим, снять бремя с души, рассказав о собственных тяготах или грехах. Иногда это случается с преступником, которого так и не уличили в конкретных преступлениях, но он уже и сам готов излить все, что происходит в его сознании. Порой исповедальность «накрывает» человека в канун кончины. Так случилось, к примеру, с известным французским философом Вольтером. Будучи непримиримым врагом католичества, он перед смертью покался, принял веру и обрёл душевный покой перед встречей с Господом.

В. Визгин постоянно очищает замысел своей книги от возможных «отклонений». Он не пытается с помощью собственной философской «нагруженности» обогатить философский арсенал писателя. Напротив, В. Визгин показывает, что М. Пришвин не выработал собственного философского учения, хотя россыпь мыслей и идей, разбросанных по разным дневникам, могла прельстить таким замыслом. Но справедливо отмечено в книге, принадлежность к философии определяется не доктриной, а собственным, не «чужедумным» пониманием себя и мира. У М.М. Пришвина «листья серьёзно шумят... о мыслимой судьбе человечества»; «листопад в разгаре» писатель сравнивает с завершением своей работы над книгой. О собственных философских раздумьях М.М. Пришвин пишет: «Слова мудрости, как осенние листья, падают без всяких усилий».

Философия как склад ума оказала немалое воздействие на писателя. Но автор книги формулирует вопрос так: «А что могут дать философии дневники Пришвина?». По мнению В. Визгина, дневники Пришвина могут вернуть к изначальному философствованию как мышлению. Пришвин призывает нас стать бесхитростными искателями мудрости, которая рождается из изумления перед миром. Считая, что от «чужой мысли всегда веет холодом», М.М. Пришвин ещё в начале творческого пути решает «объявить войну чужой мысли в себе» и добывать свою живую мысль. Чтобы выразить свою «золотую», «единственную в своём роде и такую ещё неповторимую мысль», нужны свои, особые слова. М.М. Пришвин предупреждал: «До последней крайности надо беречься пользоваться философскими понятиями и держаться языка, которым мы перешёптываемся обо всём с близким другом, понимая всегда, что этим языком мы можем сказать больше, чем тысячи лет пробовали сказать что-то философы и не сказали» [3, с. 379].

Талантливо написанная книга завершается размышлениями о философии жизни в её новом варианте. Изучение творческого опыта Пришвина приводит нас к тому, чтобы видеть в нём движение художественно ориентированной и экзистенциально значимой философской мысли.

Возведение в человеческий сан

Кантор Владимир. «Срубленное дерево жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

Сегодня Н.Г. Чернышевский принадлежит к числу развенчанных фигур. Его литературные опусы подвергнуты осмеянию. О романе «Что делать?» толкуют примерно так: художественно убогий памятник на-

чальной эры российского нигилизма, безбожности и русофобии. Известный писатель и мыслитель В. Кантор выпустил в свет большую монографию о Н.Г. Чернышевском. Интерес к этому произведению, понятное дело, немалый. Какую оценку творчества мы находим в исследовании? Оказывается, автор предпринял попытку демифологизировать одного из крупнейших мыслителей России. Такую позицию обнаруживаем в аннотации. Итак, есть желание снять налёт прежнего официоза, зато обратить внимание на трагическую судьбу Николая Гавриловича. Власть подарила ему 20 лет Сибири вдали не только от книги литературной жизни. Она изолировала его вообще от тех мы-

слящих или образованных людей, с которыми писатель мог бы поддерживать духовные связи.

Образ, отмечают психологи, может убежать от прототипа. Иначе говоря, власть и общество способны так преобразить самоидентичность человека, что он войдёт в сознание совершенно другим персонажем. Он был реформатором и постепенцем, блистательным мыслителем, вернувшим России идеи христианства в обличье современного позитивизма. Ему принадлежит особый роман, который по признакам можно назвать идеологическим. Во всех областях своего разностороннего наследия – эстетике, литературной критике, художественном творчестве он выступал новатором, возбуждающим до сих пор споры. К Чернышевскому можно применить его собственные слова о Гоголе как о писателе из числа тех, «любовь к которым требует одинакового с ними настроения души, потому что их деятельность есть суждение к определённому направлению нравственных стремлений» [4, с. 21]. М.М. Бахтин свидетельствует, что Н.Г. Чернышевский обладал стойким чувством собственного достоинства, ни разу не унился до просьбы о помиловании.

Но власть сотворила из этого прототипа образ революционера. А это как раз и содействовало усилению тех сил, против которых выступал Николай Гаврилович. На месте реформатора обосновались Бесы. «В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни, – писал Василий Розанов, – но – взяли да и срубили его» [цит. по: 2, с. 5]. В.К. Кантор отмечает, что слишком долго его имя окормляло его противников. Блестящий замысел автора монографии состоит в том, чтобы увидеть носителя этого имени в его подлинности, расколдовав фантом, который подарила ему злая судьба.

Имя великого человека нередко обрастает слухами, сплетнями, легендами. Но далеко не всегда есть повод для принижения судьбы героя. Литературные герои России не только делали своё прямое дело – творили, но участвовали в войнах (Державин, Лермонтов, Лев Толстой, Леонтьев), погибали на дуэлях (Пушкин, Лермонтов), убегали в эмиграцию (Печорин, Герцен, Огарёв). Но Чернышевскому выпал дурной жребий. Человек, в сознании интеллектуалов ставший своего рода фантомом, в XIX в. воспетый, в XX превращённый в монстра как предшественник большевизма и едва ли не погубитель России.

Полагаю, что В.К. Кантору удалось реализовать свой замысел: не только преодолеть фантомность этой фигуры, но воссоздать истинный образ легендарного человека. В книге много документов, ссылок, подробностей. Она привлекает своей капитальностью.

Список литературы

1. *Визгин Виктор*. Пришвин и философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 240 с.
2. *Кантор Владимир*. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.
3. *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1957. 704 с.
4. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. 700 с.

BOOKISH DISCOURS

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: gurevich@rambler.ru

THE PUBLISHING PROGRAM OF S.Y. LEVIT

The presented books – V. Vizgin “Prishvin and philosophy” and V. Kantor «“The felled the tree of life”. The fate of Nikolai Chernyshevskiy» – are different in theme and genre. M.M. Prishvin well known as a writer. However, Victor Vizgin describes him as a philosopher. Of course, the writer was never attached to professional philosophers. But his «Diaries» and other materials suggest that the works of Prishvin belong to the artistic philosophy. Philosophy as the cast of mind had a considerable influence on the work of the writer. Another book written by V.K. Kantor devoted to the life and work of the great Russian sage Nikolai Gavrilovich Chernyshevskiy. Vladimir Kantor seeks to recreate an image of the legendary man. In this case the author has to expose false rumors, biased opinions and assessments. This book of the talented publicist and scientist contains a lot of documents, links and details. It attracts by its fundamentality.

Key words: philosophy, literature, nihilism, identity, morality, prototype, image, revolutionary, reformer, positivism

References

1. Chernyshevskij, N.G. *Sobranie sochinenii* [Collected works], 15 Vols., Vol. 3. Moscow: Goslitizdat Publ., 1947. 700 pp. (In Russian)
2. Kantor, Vladimir. “*Srublennoe drevo zhizni*”. *Sud’ba Nikolaja Chernyshevskogo* [“The Felled Tree of Life”. The Fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow; St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 528 pp. (In Russian)
3. Prishvin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works], 6 Vols., Vol. 6. Moscow: Goslitizdat Publ., 1957. 704 pp. (In Russian)
4. Vizgin, Viktor. *Prishvin i filosofija* [Prishvin and Philosophy]. Moscow; St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 240 pp. (In Russian)